

**Соотношение принципов запрета излишеств исраф и японского минимализма
в представлениях и практике мусульманских минималистов**

Научный руководитель – Александрова Надежда Николаевна

Фролова Марьям Максимовна

Студент (бакалавр)

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казань, Россия

E-mail: frolova.maryam7@mail.ru

В исламской этике расточительство (исраф) занимает важное место [2]. Исраф — это чрезмерное использование того, что даровано Аллахом, причём не только в материальной сфере — исрафом считается и пустая трата времени, здоровья, способностей. В Коране есть прямые указания на запрет исрафа: «Ешьте и пейте, но не будьте расточительны» (7:31); «Воистину, расточители — братья шайтанов» (17:26–27).

В условиях современного кризиса перепотребления исламский принцип умеренности (васатыйя) оказывается созвучен идеям осознанного потребления [4]. Васатыйя — это срединный путь, отказ от крайностей в материальной сфере и религиозной практике. На этих принципах строится и исламский минимализм: осознанное потребление и отказ от излишеств ради сосредоточения на духовном. Показательным примером является образ жизни пророка Мухаммада: простота быта, отсутствие привязанности к роскоши, бережное отношение к ресурсам.

В сравнительном плане показателен японский минимализм, восходящий к дзен-буддизму и эстетике ваби-саби, подчеркивающей красоту несовершенства и незавершённости, а также ма — идеи осмысленной пустоты и паузы в пространстве [1; 3]. В современном мире он получил новое звучание благодаря Мари Кондо, Фумио Сасаки и концепции даншари.

Сравнение показывает не только сходство (осуждение излишеств, внимание к осознанности), но и существенные расхождения в основаниях и целях этих практик. Запрет на исраф теоцентричен — направлен на довольство Аллаха и социальную справедливость [2]. Японский минимализм опирается на иные категории — прежде всего му-син (непривязанность) и дзансин (осознанное присутствие), а также ку, понимаемую как пустоту-потенциал, и мудзё — идею непостоянства [1]. Параллели с исламом также есть: му-син можно сопоставить с понятием зухд — добровольной непривязанностью к мирскому. Дзансин отчасти перекликается с муракаба, то есть внутренней бдительностью и самонаблюдением. Однако в исламе пустота не самоценна, важно её правильное наполнение: сердца — зикром, времени — благими делами [3]. И главное различие в том, что в дзен-буддизме эти состояния ведут к просветлению, а в исламе к довольству Аллаха (рида).

Анализ практик мусульман-минималистов показывает использование японских инструментов (метод КонМари, даншари) с другой мотивацией [5; 6]. В финансах применяется осознанное планирование расходов, отказ от долгов (риба), направление средств на садака. Расхламление служит подготовке пространства для молитвы, капсульный гардероб сочетается с требованиями хиджаба.

Однако теоретическое сравнение не даёт полной картины. Антропологический подход позволяет увидеть, как нормативные принципы реализуются в повседневной жизни. Здесь важны работы Талала Асада, который показал, что ислам следует понимать не как застывшую доктрину, а как «дискурсивную традицию» — живую систему, в которой верующие постоянно переосмысливают практики в диалоге с авторитетными текстами. Саба Махмуд, развивая этот подход, исследовала, как повседневные телесные практики

формируют этический субъект, который не просто следует правилам, а культивирует определённые добродетели [3]. В этой перспективе исламский минимализм предстаёт не как механическое соблюдение запрета на исраф, а как практика формирования себя через расхламление, осознанное потребление и перенаправление ресурсов на садака. Исследования показывают, что минимализм обладает потенциалом для сдерживания консюмеризма среди мусульманской молодёжи, но его реализация затрудняется потребительскими привычками, подогреваемыми теми же соцсетями [6]. Показателен случай автора блога Самии Ахмед, которая пришла к минимализму через эмоциональный кризис: «Избыток вещей вызывал сильный стресс и тревогу» [5]. Решение она находит в переосмыслении практик через ислам, то есть расхламление становится «актом поклонения», если совершается с намерением угодить Аллаху, а ненужные вещи передаются как садака, укрепляя социальные связи.

Исламский минимализм можно определить как адаптацию на стыке традиционной исламской этики, глобального тренда на осознанное потребление и практик японского минимализма. Таким образом, исламский минимализм показывает, как канонические нормы, связанные с запретом исрафа и умеренностью, могут быть заново осмыслены в рамках современных дискуссий об экологии, потреблении и ответственности за ресурсы.

Источники и литература

- 1) Главева Д.Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М., 2003.
- 2) Пахравова Н.П. К вопросу об этических ценностях Корана // Исламоведение. 2009. № 1. С. 87–93.
- 3) Рагозина С.А. От «наблюдаемого ислама» к «дискурсивной традиции»: о ключевых концепциях западной антропологии ислама // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 167–185.
- 4) Сытник В.М. Философия пустоты в японской и европейской архитектуре // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № S6. С. 45–53.
- 5) Kurlillah A. et al. Minimalism vs. Consumerism: An Islamic Perspective on Indonesian Gen Z Social Media Influence // Jurnal Al-Kharaj. 2025. Vol. 5, No. 1. P. 32–54.
- 6) Минимализм для мусульман – на благо или во вред?: <https://islam.ru/content/obshestvo/51020>
- 7) The Synergy Between Minimalism and Islam: <https://www.utrujj.org/the-synergy-between-minimalism-and-islam/>